

Иван Дыховичный: я снял «Черного монаха», потому что никому не был нужен

Коммерсант - daily - 1997. - 6 сент. - с. 9

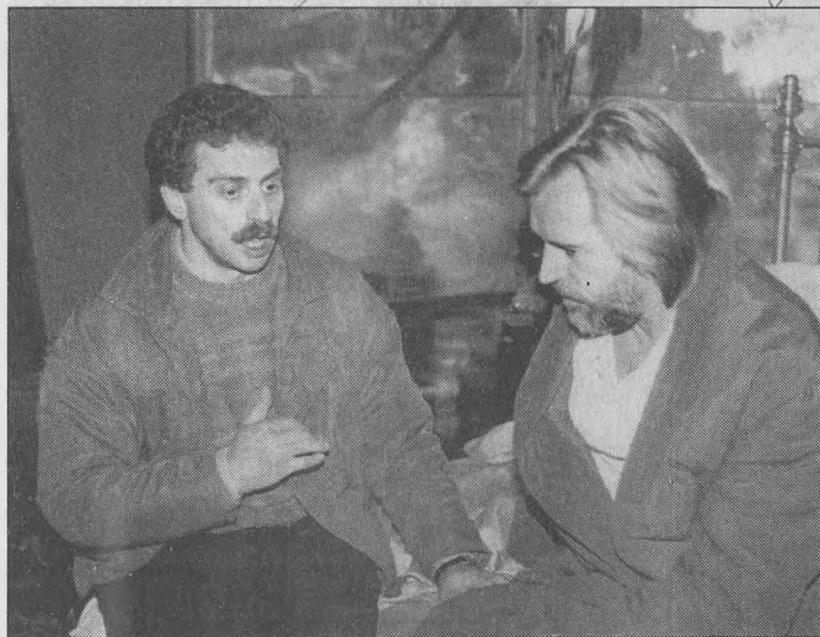
80-е годы для ИВАНА ДЫХОВИЧНОГО начинаются со смерти Высоцкого. Печальное начало. И более чем непростым поступлением на Высшие режиссерские курсы. Первой крупной работой режиссера в этом десятилетии стал фильм «Черный монах».

Из всех похорон я помню только маму Севы Абдулова, которая стояла на Ваганьковском кладбище с прозрачным пакетом растаявшего топленого масла. В этом была удивительная жизнь. Она точно Володю любила и много раз помогала ему в болезненные моменты жизни. Но по дороге, видимо, где-то давали это топленое масло, потому что кругом были дефицит и очереди. И она не смогла преодолеть себя — она купила это масло и стояла на похоронах с наполовину растаявшим желтым пакетом.

В эти годы в собственной моей жизни произошли простые изменения. Я вдруг в один день, как казалось моим товарищам, моему режиссеру Любимову, взял и пошел учиться на Высшие режиссерские курсы. У меня не принимали даже документы и работы. Не брали по одной единственной причине — у меня не было рекомендации из любой союзной киностудии. При том что где-то кто-то сказал обо мне: «Ну знаете, он очень способный человек, у него хорошие работы». В ответ я услышал замечательную фразу: «Ну знаете, это не аргумент». Аргументом была рекомендация, формальная бумага из студии.

Я помню, что никак не мог никого уговорить принять мои документы — я два или три раза пытался подать документы на курсы. Курсами тогда руководила Нина Кокорева, очень хороший человек. Она помогала очень многим людям как могла, она искренне, преданно любила кино. Наконец я пришел к ней, и Кокорева мне отказала. Сказав, что не имеет права формально принять мои документы. Но не удержалась, как все люди 80-х — она попросила у меня билеты на «Мастера», на который невозможно было попасть. Я вынул из верхнего кармана пиджака билеты на вечерний спектакль, которые приобрел для кого-то из моих близких, но они в этот вечер на спектакль пойти не могли, и отдал их Кокоревой.

Каково же было мое изумление, когда после спектакля она прибе-

Иван Дыховичный и Станислав Любшин на съемках фильма «Черный монах»

жала ко мне в гримерную, именно прибежала. Расцеловав меня, она сказала: «Вы обязательно, обязательно будете учиться!» Аргументом послужило не то, что я написал какие-то работы, которые до этого момента никто и не читал, не то, что у меня были наклонности человека, который может войти в кино. А именно то, что я просто ей понравился в спектакле. В этом есть какая-то удивительно российская, смешная, детская история. Тем не менее Кокорева приняла мои документы на Высшие режиссерские курсы.

До этого, правда, был еще один занятный эпизод — один большой чиновник тоже хотел мне помочь. Он сказал, что позвонит в Госкино в отдел кадров и попросит принять мои документы. Я по звонку пришел к этому человеку. Сидит человек в зеленом костюме, в роговых очках, в общем, человек без лица. Я ему последовательно рассказал свою биографию. Он ее выслушал и задал мне вопрос: «А почему вы не поступали во ВГИК после окончания школы?» Я резонно возразил: «Для того чтобы быть режиссером, нужно прожить определенную жизнь, многому научиться, освоить другие профессии. Потому что мне кажется, что профессия кинорежиссера — одна из самых сложных в искусстве».

Он сказал мне: «Ну, наверное, вам нужно пойти во ВГИК». «Зачем же мне идти во ВГИК? Мне уже тридцать лет, я многому научился в театре». «Вы замечательный артист», — сказал он мне. — Зачем вам это нужно?» В общем, документы мои не были приняты. Через некоторое время чиновник, рекомендовавший меня, спросил, помогли ли мне его рекомендации. «Нет». «Не может быть», — сказал он мне, — идите еще раз». Я пошел еще раз и опять попал к тому же самому человеку. Секретарша меня узнала, улыбнулась, сказала: «Может, на этот раз что-то получится?» Я вошел в этот кабинет, увидел человека в зеленом костюме и роговых очках. Он опять начал мне задавать те же самые вопросы. Я резонно напомнил ему, что уже был у него. Он сказал: «Вы были не у меня. Я сменил того человека. Я новый человек на этом месте». Но ведь я хорошо запоминаю лица людей. Эта система грамотно вывела удивительную породу людей. Я до сих пор вижу эти лица. Может быть, костюмчики у них другие, и они носят галстуки не из нейлона, а шелковые. И заседают не в ЦК КПСС, а в парламентах.

На курсах набирали мастера: Рязанов, Данелия и молодой Михалков. Набирали курс из десяти человек. Эти люди ходили в мой те-

Ивану Дыховичному вручена премия Жоржа Седула за лучший дебют в мире. Слева — Вадим Юсов

атр, просили у меня билеты на спектакли и вообще знали меня как ведущего артиста театра, однако Никита Сергеевич Михалков, который знал меня с детства, попросил меня сделать этюд — актерское упражнение. В этом тоже был удивительный наш российский садизм. Меня это не ломало. Мы вместе с Володей Хотиненко сыграли этюд, надо сказать, что сыграли мы его вполне достойно.

Потом Георгий Николаевич Данелия предложил мне сесть и на месте написать какую-то работу. Потому что ему кажется, что те работы, которые я подал при поступлении, настолько, мол, зрелые, литературные... Возникает сомнение: сам ли я их написал? Я сел и на месте написал работу. В общем, я был принят.

У нас был замечательный курс. Не все стали режиссерами, которых любит публика. Но Юра Мамин, Володя Хотиненко — известные люди, которые нашли свой почерк в кинематографе. Мы были очень дружны. Мы прожили удивительную трехлетнюю жизнь. Потому что мы все уже были состоявшиеся взрослые люди со своими амбициями, со своими намерениями. Наверное, это невероятно полезно — сесть в тридцать лет на студенческую скамью и осмыслить все заново. Начать новую жизнь.

Мне было довольно непросто. Потому что целый день я учился, а вечерами продолжал играть спектакли, чтобы поддерживать материальную жизнь семьи. Многие преподаватели думали, что я приду побалуясь. Но это оказалось не так. Я очень искренне и преданно этим занимался.

Мне очень понравилось первое задание, которое нам дал Георгий Данелия, удивительно кинематографичный и остроумный человек. Он сказал: снимите пятиминутную историю. Именно пять минут. Конечно, все нарушили это табу и сняли двадцати-, тридцатиминутные истории. И только такой тупой и наивный человек, как я — мне так понравилось само задание, что я выполнил его до конца, — снял пятиминутную работу. Которую до сих пор никому не показываю.

После моей первой курсовой работы Георгий Николаевич сказал: «Еще раз снимешь такую работу — пойдешь домой». Моя первая работа была обозвана дадаистической, я потом в словаре искал это слово. Однако для меня это было комплиментом, как я сейчас понимаю. В дальнейшем я решил в качестве курсовой работы снять вполне реалистический рассказ Бабеля «Элия Исакович и Маргарита Прокопьевна». В ней сыграла Нина Русланова — моя замечатель-

ная сокурсница, и мой друг, сценарист Давид Чувиншвили.

Это история проститутки и еврея, очень нетипичная вещь для Бабеля. Оператором был Вадим Алисов, который, снимая эту работу, относился достаточно осторожно к тому методу, который я предложил, считая, что это очень театральный способ съемки. На самом деле оказалось, что такое изображение очень продвинуло эту картину на всякие фестивали, ей даже приписывали какое-то новое слово в коротком кино. Но с этой работой приключился другой казус. Она была хорошо принята всеми тремя мастерами (Рязановым, Михалковым, Данелией). Но начальство, которое почему-то вдруг неожиданно посмотрело наши курсовые работы (в лице такого человека по фамилии Богомолов — незабываемый главный цензор Госкино, это был человек, от которого зависела судьба кинематографиста в то время), посмотрев мою работу, пришлось в неопишное раздражение. Я не мог понять в чем дело.

Оказалось, что в этом рассказе есть одна фраза — фильм был практически без текста, — которую проститутка говорит человеку, задержавшемуся в городе на одну ночь. Ему негде было ночевать, потому что он был еврей и город — не черта оседлости. Он остается у нее в комнате, но не хочет с ней спать. В какой-то момент, когда проститутка пытается заработать определенную сумму денег в размере трех рублей, она спрашивает у оставшегося у нее на ночь человека: «Ты еврей?» Этого было достаточно, чтобы положить картину на полку и потребовать сменить негатив. Но негатив, к счастью, не смыли, он сам собой потом исчез куда-то. Копия была напечатана. И картину пригласили на все фестивали кино, какие в мире были, но ее никуда не пустили.

Через несколько лет я пришел в Госкино пытаться получить возможность снимать большую картину, некий начальник, зампред Ермаша, сказал мне: «Хорошо начинаешь. Вот твои темы: проститутки, евреи» (через запятую). Я запомнил это навсегда. В этой картине не было никакой так называемой еврейской темы. Это фильм о людях-изгоях, которые попали в беду. И больше ничего.

Дальше я снял дипломную картину «Братья», в которой играли Анатолий Ромашин и Миша Кононов,

любимейший мой артист. Это была странная работа, дорогая мне. Немногочисленные люди, знакомые с моим творчеством, прекрасно знают, что к комедии я имею пока отдаленное отношение. Но самое страшное было то, что я учился на отделении, которое называется Курсы режиссеров музыкальной комедии. Поэтому когда принимали эту картину, на ней было написано «Объединение комедийных и музыкальных фильмов». И когда чиновница из Госкино посмотрела мою картину, она сказала: «Он над нами издевается! Какая же это комедия?!» Я сказал: «Если вы желаете, я вырежу этот титр».

В экзаменационной комиссии появился самый любимый в Политбюро, в правительстве и в народе режиссер Меньшов. Посмотрев мою картину, он сказал, что за мою работу он мне может поставить только «три» (он отлично знал, что тройка за диплом в те годы означала, что мне не дадут никакой работы в нашем кинематографе). На что остроумный Михалков сказал: «Если вы Дыховичному, у которого лучшая работа на курсе, ставите „три“, мы согласны, но тогда остальным десяти поставьте „два“». Меньшов на это согласился не мог. И курсы я закончил с красным дипломом.

После этого я попал в пятый угол. Уже все мои товарищи снимали кино. Меня не брали на работу. Наконец меня принял Богомолов. До того как стать главным цензором нашего кинематографа, он работал воспитателем в детской колонии. Он был настоящий иезуит. Он спросил: «Ну что вы, собственно, хотите снимать?» «Я собираюсь снимать Набокова, Бунина, Чехова „Черный монах“». Он посмотрел в окно, засмеялся и сказал: «Голубчик, вам нужно лечиться. На что вы рассчитываете? Пока я сижу в этом кабинете, вы кино снимать не будете». Я ответил: «Вы в этом кабинете сидеть скоро не будете. А я кино снимать буду». Представьте себе, на следующий день его сняли с работы... На его место пришел замечательный человек Армен Медведев. Он пригласил меня к себе и спросил, что я хочу снимать. Я опять назвал те же фамилии. Он сказал: «Черный монах». Я сказал: «Спасибо, но почему?» На что Медведев ответил: «Потому что он никому не нужен».

Записала НАТАЛЬЯ ГРИДНЕВА